

КЕРЧЕНСКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА (1906–1913)

А. В. Бугров,

кандидат исторических наук, начальник отдела Департамента исследований и прогнозирования
Банка России; e-mail: bav4@mail.cbr.ru

В статье рассматривается история приобретения и поддержки Государственным банком Керченского металлургического завода, проведенных в рамках спасения крупных отечественных предприятий в период экономического кризиса.

The article describes the purchase by the State Bank of the Kerch Metallurgical Works, conducted as part of the rescue of large domestic enterprises during the economic crisis.

Ключевые слова: Государственный банк; кредитование; промышленность.

Key words: State Bank; crediting; industry.

УДК 336.74.737.1

Государственный банк в начале XX в. развивал деятельность во многих направлениях, связанных с развитием экономики страны. Устав 1894 г., подчеркнувший значимость промышленных ссуд, обратил внимание банка в том числе и на судьбу отдельных крупных предприятий. Основная форма их поддержки – кредитование, но известен и случай покупки главным банком империи одного из металлургических заводов. Им стал Керченский завод, чья история и переход к банку привлекали внимание известных историков И. Ф. Гиндина и В. И. Бовыкина, но лишь в рамках эпизода, одного из кратких сюжетов их работ [1, с. 106–114; 2, с. 146, 163; 3, с. 137, 139; 4, с. 121].

В контексте истории Государственного банка керченское предприятие, конечно, заслуживает более пристального внимания. *Общество керченских металлургических заводов и рудников* (таково было официальное название фирмы) начало свою деятельность 30 мая 1899 г. Его правление заседало в Санкт-Петербурге (на Невском, 62), и, судя по исследованиям В. И. Бовыкина, первую скрипку в нем играл французский банк *Société Générale*, проявлявший тогда большой интерес к инвестициям в Россию [4, с. 121]. Страна тогда находилась в фазе промышленного подъема, выражавшегося в том числе в основании новых предприятий.

По арендному договору с Керченской городской управой новое общество на протяжении тридцати лет, с 30 апреля 1896 г., получило право разрабатывать залежи железной руды в районе Керчи и Еникале, на общей площади в 19 600 десятин (21 364 га) [5, л. 5]¹.

26 мая 1899 г. с городской управой было заключено новое соглашение – на разработку известняков.

Это решение стало новой страницей в экономической истории восточной части Крымского полуострова, жившей по старинке и во многом сохранявшей буколические виды. Жизнь местного населения определял Керченский пролив, еще со времен Античности получивший славу «рыбного пути». Здесь ежегодно вылавливалось до 5 млн сельдей, шла бойкая торговля хлебом, мукой, солью и рыбой. В окрестностях Керчи разрабатывался строительный известняк, пользовавшийся известностью «на сотни верст в округности» [6, с. 11]. Город был знаменит археологическими памятниками – здесь, на горе Митридат, в древности находился Пантикапей – столица Боспорского царства.

С арендой месторождений Общество связывало далеко идущие планы освоения территории, устройства здесь металлургических, механических, судостроительных и прочих заводов, «приготавливающих изделия из металлов и минералов, равно вообще для добычи и обработки руд, торфа, каменного угля и иных минералов» [7, с. 1512]. В 1899 г. состоялся первый выпуск акций (почти на 10 млн руб.), а спустя год – второй (почти на 5 млн руб.). Они были распространены в основном за границей, через Парижскую биржу, о чем говорит и номинал ценной бумаги – 187 руб. 50 коп. (что составляло 500 франков). Всего было выпущено 79 999 акций – с тем, чтобы контроль над обществом сохранялся у *Société Générale*, точнее у созданного под его эгидой *Торгово-промышленного общества для Франции и заграницы* (в собственности которой находилось 13 тыс. акций предприятия) [3, с. 139].

Основной капитал общества к 1902 г. составлял почти 15 млн руб. [7, с. 1512]. Примерно в такую сумму оценивалось движимое и недвижимое имущество завода, на котором работало около 2460 человек [5,

¹ По условиям договора он мог быть продлен еще на 30 лет «на прежних условиях», «если не явится других, более выгодных для города Керчи предложений относительно эксплуатации городских железных руд» [9, л. 18].

л. 3 об.]. На предприятии, находившемся в пяти верстах от Керчи, на берегу пролива, работали две доменные печи, располагались здания коксового, брикетного, углепромывочного, прокатного, доменного и механического цехов, а также разных мастерских. Заводу принадлежала собственная пристань на берегу Керченского пролива, к которой вела железнодорожная ветка, соединенная с казенной Керченской железной дорогой. Имелась телефонная линия, керосиновое и электрическое освещение, поселки для рабочих и служащих [5, л. 5].

Только что заведенное предприятие не приносило чистой прибыли, что отражалось на отсутствии выплат дивидендов по акциям. Но самое главное – начало работы предприятия совпало с затяжным экономическим кризисом 1900–1903 гг., который считали крупнейшим экономическим кризисом до Первой мировой войны [8, с. 250]. Седьмое сентября 1901 г. на Санкт-Петербургской бирже прошло под знаком падения акций Общества керченских заводов, которое потянуло за собой понижение акций и других предприятий: металлургических и горных [3, с. 137]. В. И. Бовыкин, основываясь на сообщениях прессы тех лет, связал это явление с учредительской горячкой франко-бельгийского капитала, преследовавшей лишь получение прибыли. При этом недостаточно или мало внимания уделялось деятельности предприятия, «чем они с первых же шагов были поставлены в невозможность правильно функционировать и развиваться» [3, с. 137].

Это подтверждается сообщениями очевидца, осмотревшего Керченский завод в том же году и составившего нелестный доклад о нем. Счетоводство завода находилось в руках полуграмотных людей, «часто благодарных за то, что им помогли выбраться на дорогу интеллигентного труда» [5, л. 2]. Большая часть рабочих была выходцами из губерний Центральной России; «любви рабочих к своему директору нет и в помине» [5, л. 3 об.]. Для многих жизнь вдали от дома, в переполненных казармах была от безвыходности, невозможности найти другой заработок.

В конце февраля – в начале марта 1902 г. ситуация с Керченским обществом стала критической [3, с. 139]. О ней было хорошо известно министру финансов С. Ю. Витте, высказывавшемуся против развития Керченского завода: «...это нанесло бы сильнейший удар... нашим металлургическим предприятиям» [1, с. 112]. В декабре того же года Николай II утвердил доклад Комитета финансов о продаже предприятия, в котором говорилось об устранении опасности «скорого возрождения керченского дела» [1, с. 112]. Документ впоследствии был дополнен «положением» того же комитета от 20 октября 1905 г. [5, л. 58]. В них спасение завода было увязано с поправкой пошатнувшихся дел в Обществе Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода. Эта компания была держателем контрольного пакета акций керченского завода и де-факто принадлежала тому же французскому банку *Société Générale*. Государственному банку было разрешено

«приобрести от Брянского общества в целях оказания... поддержки все имущество и права Керченского общества за 4,5 млн руб. – после того, как означенное имущество будет приобретено Брянским обществом как держателем облигаций Керченского общества на торгах или другим способом» [5, л. 58].

Иными словами, кредит Брянскому заводу, носивший характер неуставной ссуды, был предоставлен под условием продажи крупного пакета акций Керченского общества, завод которого остановил производство в сентябре 1902 г. К тому же его продажей намеревались погасить исковое требование французских банкиров в сумме 100 тыс. руб., с учетом 4%-го вознаграждения (очевидно, такая сумма была выдана в кредит обществу во Франции) [5, л. 5].

Таким образом, уже осенью 1904 г. Керченский завод ожидал перехода в новые руки. На состоявшихся в мае 1905 г. торгах он был формально приобретен Брянским обществом, после чего спустя некоторое время и был уступлен Государственному банку, с выдачей Брянскому обществу ссуды под залог облигаций Керченского общества. Оформление перехода завода новому собственнику состоялось в июне 1906 г. – так Государственный банк стал обладателем не просто 60 десятин земли, а целым металлургическим предприятием со зданиями и оборудованием (на 16,67 млн руб.), чего ранее не было в его практике. Кроме того, на основании договора с Брянским обществом от 21 сентября 1906 г. оно обязывалось приобрести имение «Железный рог» (на Тамани), принадлежавшее Керченскому обществу, и передать его в собственность Государственного банка¹.

Сама идея управления предприятиями могла быть подсказана опытом Польского банка, востребованным в конце XIX в., особенно в связи с пересмотром банковского устава. Как и в случае с банковско-промышленным концерном Л. С. Полякова, чья санация также проводилась Государственным банком, наилучшим способом решения проблемы был поиск удачного покупателя или инвестора, который бы как минимум покрыл все понесенные банком расходы. Пока таковой не был найден, было необходимо поддерживать завод в должном состоянии. Для этих целей при Санкт-Петербургской конторе Государственного банка было создано Особое управление по заведованию имуществом Керченского завода. Его члены – инспектор Александр Васильевич Калашников, техники Григорий Давыдович Вахтель и Андрей Федорович Синюк – были командированы в Керчь, чтобы осмотреть и описать завод.

По специальной оценке, произведенной в конце 1906 г. представителем Второго Российского страхового общества, стоимость зданий и оборудования была снижена до 9 млн руб., а по мнению А. Ф. Синюка, составляла и того меньше – 7,6 млн руб. [5, л. 63; 9,

¹ Имение «Железный рог» площадью около 70 га было приобретено Брянским обществом на торгах 25 августа 1909 г. за 26 060 руб. и 6 октября 1909 г. было уступлено Государственному банку.

л. 11–11 об.]. Все это имущество было передано на ответственное хранение пяти артельщикам из Санкт-Петербургской биржевой артели барона Штиглица. Для поддержания завода от Государственного банка был назначен «заведующий» В. И. Маклецов, с содержанием 100 руб. в месяц, который одновременно продолжал работать служащим в Брянском обществе (на что было дано согласие банка)¹.

Судя по внутрибанковской переписке, завод еще кое-как работал. Добывавшаяся в карьере руда поставлялась на местные заводы [10, л. 1–1 об.]. В ведомости выплаты жалования с мая по октябрь 1907 г. значится 55 «специальных служащих» (из которых 34 были сторожами) с окладами от 10 до 40 руб. в месяц [11, л. 3 об.–5]. На 1908 г. для металлургического завода была установлена «обязательная добыча руды» в 2 млн пудов – для сохранения в силе арендного договора с городом Керчь [10, л. 3]. Эта добыча без возможности продавать руду представляла значительный расход для банка.

В. И. Маклецову была дана санкция «посетить некоторые из заводов, кои по устройству своему могут воспользоваться рудой Керченских заводов» [10, л. 6]. Предполагалось наладить добычу руды и ежегодно не менее 3 млн пудов продавать – «по цене хотя бы оправдывающей себестоимость руды, из вскрытых уже карьеров, причем не исключается возможность получения платежей векселями, преимущественно краткосрочными» [10, л. 6 об.].

21 сентября 1907 г. В. И. Маклецов направил письмо директору Санкт-Петербургской конторы Государственного банка Владимиру Викторовичу Андрееву о выделении свыше 34 тыс. руб. «на ремонт пристани, железнодорожных путей, двух паровозов, 50-ти железнодорожных платформ, трех подвижных... кранов и экскаватора» [10, л. 1]. Так началась вереница затрат банка на поддержание завода, которые вскоре стали одной из статей его годовых расходов. Ежегодная смета на эти цели утверждалась на Совете Государственного банка. Затраты включали в себя не только ремонт ветшавших строений и оборудования, но и налоги, аренду, страхование имущества, выплату жалования и премиальных служащим и полицейским, охранявшим завод, расходы на освещение и водоснабжение и т. п. С течением времени эта сумма увеличивалась – и не только вследствие обветшания имущества. Местная власть пыталась получить от банка деньги даже на благотворительные цели. Так, в 1907 г. согласно постановлению Керченской городской думы с завода помимо арендных плат город стремился получить и «особый сбор на содержание мужской гимназии» в сумме 1750 руб. [10, л. 3].

Члены Совета банка высказывали недовольство высокими налогами на завод (рассчитывались из стоимости имущества), составлявшими ежегод-

но 28 тыс. руб. Однако снизить их, несмотря на все усилия банка и Министерства финансов, не удалось [12, л. 3–22 об.]. Для этого нужно было переоценить имущество завода, но утвердить новую оценку оказалось сложно². По справедливому мнению банковских чиновников, в Керченском городском управлении полностью отсутствовали средства, а потому рассчитывать на уменьшение оценки не приходилось [12, л. 3 об.].

И если заведующий Керченским заводом занимался ремонтом зданий, подъездных путей, паровозов и оборудования, то усилия банковских чиновников в Санкт-Петербурге сосредоточились на поиске покупателя. Первыми откликнулись германские предприниматели. 16 июня 1908 г. в Государственном банке было распечатано «прошение» действительного статского советника Павла Сергеевича Хитрово, подвязавшегося на ниве посредничества и действовавшего по доверенности от германского подданного Ландау, руководившего известной берлинской фирмой *J. Feige & Co. – Eisenexport*³.

Ландау был готов приобрести завод по следующей схеме: Керченское общество должно выпустить привилегированные акции на 7,5 млн рублей, и при помощи образованного германскими коммерсантами консорциума они должны были быть реализованы. Полученной суммы должно было хватить на выкуп завода Керченским обществом у Государственного банка и, кроме того, на погашение задолженности Керченского общества; на капитальный ремонт завода и на расходы по реализации акций. Сверх этих расходов, по подсчетам Ландау, оставалось до 3 млн рублей – сумма, необходимая «для ведения дела в виде оборотных средств» [9, л. 1 об.].

Судя по тексту письма, немцы отслеживали ситуацию с Керченским заводом и, что называется, положили на него глаз. Ландау предполагал в скором времени довести выработку до 6 млн пудов чугуна в год, перерабатывать этот чугун на томасовскую сталь⁴ «в виде стальной болванки, каковую экспортировать на заграничные рынки» [9, л. 1 об.]. Предварительно германский предприниматель обсудил предлагаемую схему с правлением Общества Керченских металлургических заводов и получил согласие его членов.

Составленный Ландау план развития завода «при настоящем положении цен на металлургических рынках Европы и Америки» предусматривал получение чистой прибыли в 20 коп. с пуда чугуна, или 1,2 млн руб. в год [9, л. 1 об.].

² В 1905 г. по настоянию Общества керченских заводов уже была произведена переоценка завода (с 14 до 7 млн руб.), в результате чего ежегодные налоговые платежи удалось уменьшить с 72 до 28 тыс. рублей.

³ Фирма *J. Feige & Co. – Eisenexport* специализировалась на продаже чугуна и стали. Ее правление находилось в Берлине, а отделения – в Амстердаме и Лондоне.

⁴ *Томасовская сталь* – сталь, полученная из передела чугуна конвертерным способом (путем продувки жидкого чугуна воздухом или кислородом), по методу английского изобретателя Сидни Гилкреста Томаса.

¹ В. И. Маклецов заведовал Камыш-Бурунским рудником Брянского общества, который был расположен недалеко от Керченского завода.

Германские эксперты предложили Государственному банку выкупить завод за 5 млн руб., т. е. за сумму фактически понесенных банком затрат на приобретение и содержание предприятия. Миллион рублей они предложили внести сразу, а выплату остальной суммы просили рассрочить на восемь лет, «под первую закладную, с уплатой остающегося капитального долга равными частями по 500 000 руб. в год, с начислением на остающуюся в долгу сумму 5% годовых» [9, л. 3 об.].

Вопрос о продаже завода был вынесен на обсуждение Совета банка, и, по мнению его членов, он мог быть продан за сумму не менее 6 млн руб. – с учетом фактических затрат банка и 6% премии. Таким образом, в банке предполагали оформить сделку на принципах кредита. Это предложение было одобрено министром финансов Владимиром Николаевичем Коковцовым 7 ноября 1907 г. Высокие чиновники финансовой сферы считали важным уже сам факт переговоров, что «очевидно, станет известным в финансовых кругах России и Западной Европы и может повлиять на намерение других фирм или финансовых групп вступить в переговоры с банком по этому делу» [9, л. 16].

Члены Совета банка предложили оформить сделку как условный опцион, «не связывающий банк в ведении с другими лицами переговоров о продаже завода». Для ускорения совершения сделки продажная цена была снижена до 5,6 млн руб., с рассрочкой выплаты этой суммы в четыре года, но с предварительным внесением «задатка» в миллион и залога в 200 тыс. руб. На сумму отсрочки начислялось 6% годовых.

Несмотря на то, что Ландау согласился с предложенными условиями, дело затянулось. Скорее всего, причиной этого стала продажная цена завода, утвержденная министром финансов В. Н. Коковцовым 2 июля 1908 г.: она была определена в 6,5 млн руб., т. е. практически на миллион больше обсуждавшейся цены. Кроме того, миллион должен был быть внесен сразу, в начале 1909 года [13, л. 25].

Поэтому неудивительно, что еще в 1911 г. сделка не была оформлена. Летом того года представитель фирмы *Feige* намеревался осмотреть завод, чтобы составить верное представление о стоимости приобретаемого имущества. По итогам такой ревизии оборудование завода было признано «в значительной степени устаревшим», а сам завод требовал значительных вложений на оборудование, «отвечающее современным условиям техники металлургического производства» [14, л. 3]. К тому времени Ландау выторговал понижение цены до 5 млн руб. От имени Ландау переговоры с Государственным банком вел действительный статский советник Цехановский, которому были готовы предоставить опцион на покупку завода, с условием выплаты всей суммы наличными деньгами.

В действительности с немецкой стороны за фирмой *Feige* стоял берлинский *Commerz-und-Disconto Bank*, один из крупнейших в Германии. Он создал вокруг себя промышленный концерн и стремился к расширению на новые территории. Возобновление дей-

ствий Керченского металлургического завода германские предприниматели связывали с экспортными поставками его продукции: рельсов, чугуна, железа и пр.

Со своей стороны, указывая на возможные трудности, Цехановский в случае заключения сделки выторговал для себя 4%-е комиссионное вознаграждение от суммы, причитающейся Государственному банку, что составляло 200 000 руб. Известно, что он выезжал на переговоры в Берлин, Париж и Лондон и что Керченский завод вызвал интерес у европейских коммерсантов [14, л. 8–8 об.]. Но в итоге консенсуса достичь не удалось, и Цехановский в письме в Государственный банк (поступило 6 октября 1911 г.) расписался в своем полном бессилии: «Ввиду того, что значительная часть времени из предоставленного мне опциона упала на летние месяцы, когда всякие деловые соглашения затруднительны, а сентябрь месяц совпал с возникшими затруднениями между Францией и Германией по поводу переговоров о Марокко, затормозившими уже начатые переговоры с французскими, немецкими и английскими капиталистами о покупке Керченских заводов, мне не удалось закончить указанных переговоров» [14, л. 20].

Одновременно с обсуждением предложения германской фирмы чиновники Государственного банка вели переписку с агентом Министерства финансов в Париже Артуром Рафаловичем¹ о приобретении завода группой французских капиталистов, в которую входили «некоторые учредители бывшего керченского предприятия» (М. П. Горже и Ф. Ф. Моте) [13, л. 13]. Французы выдвинули условие возврата правительственной пошлины на ввозимый иностранный уголь, необходимый для выправки чугуна. В этом случае, по их подсчетам, производство керченских чугуна и стали, рассчитанных на сбыт за границу, имело бы смысл. Однако министр финансов В. Н. Коковцов «не нашел возможным» пойти на уступки, и переговоры зашли в тупик [13, л. 13–13 об.].

В 1909 г. Особое управление провело предварительные переговоры о продаже Керченского завода с представителями лондонского синдиката, который намеревался прислать уполномоченных для осмотра предприятия [13, л. 13 об.]. В следующем году пришли к соглашению о продажной цене в 5,5 млн руб., но, по словам англичан, «смерть короля Эдуарда VII и временное вследствие этого затишье в деловых кругах Англии... были причиной расстройств предполагаемой сделки» [13, л. 29].

В октябре 1910 г. переговоры о продаже уже велись с Екатериновским каменноугольным обществом, которым заправляли французы. Директор правления общества горный инженер П. Баяр договорился с Государственным банком о возможной покупке завода за 5 млн рублей наличными [13, л. 29].

В том же месяце Баяр лично осмотрел завод. Почувствовав желание чиновников Государственного

¹ Рафалович Артур Германович (1853–1921), агент российского Министерства финансов в Париже в 1894–1917 годах.

банка поскорее избавиться от такого приобретения, он стал требовать максимально выгодных для себя условий. Согласно отчету Особого управления, «покупатели ставили вопрос о продлении существующих арендных договоров... на дальнейшие 60-летние сроки» [13, л. 29]. Керчь-Еникальская городская дума согласилась, но с условием, что сделка будет оформлена относительно быстро.

Сложнее было удовлетворить требования Баяра включить Керченский завод в число поставщиков рельсов для железных дорог и предоставить казенные заказы на производство рельс в течение пяти лет (начиная с 1912 г. в количестве 2 млн пудов в год). Это требовало согласия Министерства путей сообщения, и в частности, Комитета по распределению заказов этого ведомства. Понятно, что к тому времени квоты на рельсы были распределены, и Комитет без особого интереса рассматривал просьбу французов. В итоге было принято решение, что «Керченский завод не может быть включен в число поставщиков казны, так как согласно Высочайше утвержденному журналу Особого совещания заказы на рельсы предоставляются лишь тем заводам, которые поставляли таковые для казенных железных дорог до 1902 года...; Керченский же завод не принадлежит к числу последних» [13, л. 29 об.].

Попытки министра финансов В. Н. Коковцова смягчить позицию Министерства путей сообщения ни к чему не привели, и Екатериновское общество отказалось купить завод.

Между тем чиновники Государственного банка искали всевозможные пути уменьшить издержки на содержание предприятия. Лучшим выходом видели возобновление производства, хотя бы частичное, что позволяло бы получать хоть какую-то прибыль. В 1907 г. Особое управление по делам Керченского завода вело переговоры с представителем Русско-Американского акционерного металлургического общества о продаже железной руды из карьеров завода, «но ввиду трудностей зафрахтования покупателем перегрузочного каравана для перегрузки руды в пароход на рейде сделка не состоялась» [13, л. 13]. В 1908 г., когда вновь обсуждался вопрос о продаже руды, были взяты пробы, давшие неутешительный результат. Оказалось, что в керченской руде содержалось лишь до 40% металла, что делало ее неконкурентоспособной по сравнению с криворожской рудой, содержание железа в которой было в полтора раза больше (60–63%) [13, л. 1]. «При этом, – по мнению чиновников, – нельзя упускать из виду и большей дальности расстояния керченских мульд¹ от Австрии (для сбыта на заводы которой велись переговоры), чем... рудники, расположенные на восток от нижнего течения Днепра» [13, л. 1]. Таким образом, из-за более дорогой перевозки продажа керченской руды (даже по себестоимости) теряла смысл.

¹ Мульда (нем. *Mulde* – корыто, впадина) – залегание горных пород в виде чаши или корытообразного прогиба.

Тем не менее ради соблюдения договора с Керченской городской управой руда добывалась и складировалась на заводской пристани. Это обернулось дополнительными расходами для Государственного банка. Для уменьшения затрат были проведены переговоры с Керченским городским самоуправлением и достигнуто соглашение о замене поставки руды денежной выплатой. Таким образом, расходы были снижены с 12 тыс. руб. (во столько обошлась добыча руды) до 3 тыс. руб. («единовременная уплата городу») [13, л. 1 об.].

В 1910 г. Керченский завод на имевшейся ледоделательной машине по просьбе местного городского головы производил искусственный лед. Он пользовался спросом у керченских обывателей из-за наступившей жары и холерной эпидемии. Однако предложенную цену – 20 коп. на куб льда – город посчитал завышенной, и оптовые партии льда стали продавать частному лицу (перепродававшему его жителям) даже на копейку дороже. Чистая прибыль от этой операции составила крайне незначительную сумму – 1131 рубль 60 копеек [13, л. 28 об.].

Заводские строения ветшали, и требовался капитальный ремонт. Положение казалось безвыходным: покупатели один за другим отказывались от сделки, а затраты на завод каждый год составляли внушительную сумму.

Т а б л и ц а

Затраты Государственного банка на поддержание Керченского завода, 1907–1913 гг.

Год	Ассигновано	Фактически потрачено
1907	159 195,00	120 000,00
1908	159 195,00	131 102,05
1909	131 500,00	116 048,08
1910	128 800,00	118 813,14
1911	129 000,00	114 596,30
1912	120 500,00	104 341,49
1913		18 382,82
Всего фактически потрачено		723 283,88

Источник: [10, л. 2–2 об.; 13, л. 2, 13 об., 30, 66 об., 82].

Ситуация беспокоила не только чиновников Государственного банка, но и местные керченские власти. В феврале 1911 г. керчь-еникальский городской голова В. В. Аверкиев ходатайствовал перед управляющим банком предоставить городской думе право самой найти покупателя и получил согласие А. В. Коншина (с условием, что все детали сделки должны быть сообщены Государственному банку). С октября того же года Керченская городская управа стала искать покупателя и пыталась «заинтересовать некоторые частные банки» [13, л. 45 об.].

«Вообще, Керчь не унывает, – писал А. Ф. Синюку заведующий заводом В. В. Маклецов (3 февраля 1912 г.), – и надеется на постройку железнодорожного моста через пролив и соединение железной дороги с Кавказом, возобновления действия завода и находже-

ния нефти. На это можно только ответить малороссийской поговоркой «Дурень думками богатеет», а впрочем, есть и другая поговорка: «Дуракам счастье». Дело в том, что на днях действительно в окрестностях Керчи (в тридцати верстах) дошли скважиной до нефти и последняя начала фонтанировать [...]. Как видите, может быть, наша Керчь в скором времени будет славиться не одним только месаксудинским табаком и селедками [...]. На заводе у нас все по-старому: тихо, смирно и в ожидании приезда каких-нибудь покупателей» [13, л. 63–63 об.].

На этот раз интерес к Керченскому заводу проявил Таганрогское металлургическое общество, одно из наиболее крупных предприятий Юга России, входившее в промышленный концерн Азовско-Донского банка. Условия продажи завода были одобрены Советом банка и утверждены министром финансов 13 ноября 1912 г., и с этого времени на заводе проводился ремонт за счет Таганрогского общества.

В 1913 г. царь Николай II утвердил постановление Совета министров об увеличении основного капитала Таганрогского общества путем выпуска новых акций на 8,5 млн руб., и 7 марта того года общество внесло в Санкт-Петербургскую контору Государственного банк 300 временных свидетельств на право получения 23 810 акций (по цене 210 руб. за акцию) на общую сумму 5 000 100 руб. Эта сумма, за вычетом ста рублей, уплачивалась банку за Керченский завод. Временные свидетельства были приняты в портфель переходящих ценностей Санкт-Петербургской конторы банка, «на каковом счете они будут числиться впредь до покупки их Азовско-Донским коммерческим банком согласно договора» [13, л. 75 об.].

Четырнадцатого марта была оформлена купчая на завод, и спустя пять дней она была утверждена. Помимо завода Таганрогскому обществу переходили права на «приобретение» недвижимого имущества «Железный рог»¹. И кроме того, Государственный банк добился согласия Керченской городской управы

на продление арендных договоров на пользование месторождениями руды и известняка на 60 лет.

С разрешения министра финансов В. Н. Коковцева городские власти Керчи как нашедшие покупателя получили комиссионные в размере 2% с продажной цены завода (что составляло 100 000 руб.), а 1 мая 1913 г. правление Азовско-Донского коммерческого банка просило главный банк империи списать с его специального счета 2,1 млн руб., выдав ему 10 000 акций Таганрогского общества «из числа внесенных сим обществом Государственному банку 23 810 означенных акций в уплату за Керченский завод» [13, л. 75 об.]. Погашение остальной суммы в 2 900 000 руб., или покупка остающихся 13 810 акций, была расстроена на два года, с начислением на рассроченную сумму 5% годовых.

В Государственном банке были, несомненно, удовлетворены продажей завода, содержание которого ежегодно вызывало неоправданные расходы (чистый убыток составил более 220 тыс. руб.). Предприятие было продано российской компании, а точнее банку, одному из ведущих в стране². Как писал В. И. Бовыкин, в результате этой сделки «Таганрогское общество, обзаведясь собственным доменным производством, стало одним из наиболее рентабельных металлургических предприятий Юга России» [4, с. 178].

В дальнейшем, имея нелегкий опыт управления заводом, Государственный банк более не приобретал промышленные комплексы, предпочитая кредитовать акционерные коммерческие банки и крупные компании. Что же касается Керченского завода, то возобновление его деятельности, безусловно, стало событием для Керчи и было одним из обоснований создания в городе отделения Государственного банка (открыто 3/16 февраля 1918 г.) [15, л. 19–19 об., 77]. На протяжении многих последующих десятилетий Керченский металлургический комбинат оставался одним из значимых предприятий не только Керчи, но и всего Крыма.

¹ Для его покупки требовалось разрешение Военного министерства.

² К 1914 г. Азовско-Донской банк занимал пятое место по размеру активов среди акционерных коммерческих банков в России.

Список литературы

1. Гиндин И. Ф. Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства // Исторические записки. Т. 35. М., 1950.
2. Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997.
3. Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России: конец XIX века – 1908 г. М., 1984.
4. Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001.
5. РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 239.
6. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XV. СПб., 1895.
7. Указатель действующих в империи акционерных предприятий / сост. и ред. В. А. Дмитриев-Мамонов. СПб., 1903.
8. Яковлев А. Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955.
9. РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 241.
10. РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1450.
11. РГИА. Ф. 587. Оп. 60. Д. 153.
12. РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 243.
13. РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 240.
14. РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 242.
15. РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 956.